

ДИСКУССИИ

А. Ю. Дворниченко

К ВОПРОСУ О ЗЕРКАЛАХ И ХИМЕРАХ

Статья является ответом критикам, опубликовавшим свои рецензии на книгу «Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства», — П. И. Гайденко («Охота на химер в зеркалах историографии») и В. В. Пузанову («Химеры в кривом зеркале историографии»). Автор статьи благодарен за высокую оценку ряда положений и выводов его монографии. Он сам видит некоторые слабые стороны своей работы, в частности то, что не смог охватить всю совокупность трудов, посвященных данной теме. Дело в том, что материал слишком велик, разбросан по разным, подчас тяжело доступным изданиям. Работа в области выявления и анализа новых материалов должна быть продолжена. В статье наличествуют ответы на вопросы, возникшие в связи с названием работы, ее стилистикой, теми образами, которые используются для того, чтобы сделать достаточно сухой историографический материал более живым и интересным для читателя. Впрочем, эти образы («зеркал» и «химер») имеют и значительное содержательное наполнение. Автор отстаивает свое право на авторский стиль, который позволяет лучше и доступнее, как ему кажется, доводить до читателя сложные историографические сюжеты. Нет возможности вступать в спор по историческим вопросам, тем более что книга посвящена историографии. Этот спор потребовал бы привлечения широкого круга работ автора по далекой от Древней Руси тематике, мобилизации всей концепции, что возможно только в рамках монографии, а не статьи. К тому же и на этом поле один из рецензентов не убедил автора, который остается при своих убеждениях. В статье отмечается, что главная задача книги — проследить за «приключениями» «демократической» идеи древнерусского политогенеза. Этот замысел рецензенты поняли, как и предложенную периодизацию историографии. Основное возражение критиков относится к стилю ведения полемики с оппонентами. Но данный стиль полностью зависит от одной из самых сложных и трагедийных страниц нашей истории и соответственно историографии. «Дореволюционная» историография значительно отстоит от нас, да и развивалась она достаточно благоприятно. Советская и современная историографии содержат в себе массу проблем, вот почему без критики, порой жесткой, здесь не обойтись. Как бы то ни было, автор благодарен рецензентам за внимание к его книге. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Киевская Русь, зеркала, химеры, политогенез, П. И. Гайденко, В. В. Пузанов, «демократическая» теория, историография.

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. К вопросу о зеркалах и химерах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 627–637. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.313

Дворниченко Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Dvornichenko Andrey Yurievich — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

ON THE QUESTION OF MIRRORS AND CHIMERAS

This article contains some response to critics who have written about the author's book "Mirrors and the Chimeras. On the emergence of an Old Russian State". These articles were written by P. I. Gaydenko and V. V. Puzanov. The author of the article and of the book is grateful for the high estimation of some aspects of his research and sees some weak sides of the book himself. For example, he could not take into account all works by foreign historians. The matter is that the material related to this subject matter is enormous and is dispersed among different and rare publications. Searching out relevant works must continue in the near future, but for this purpose great efforts are necessary. First of all, the author attempts to give answers which he calls peripheral problems. He means the title of his book, the language, and the images which he uses. All this represents an effort to make his work more interesting to his readers; but images also carry semantic value. The author has not the opportunity to argue historical problems, because for this reason one has to mobilize other works of the author, all his complex conceptions in a work of historiography. But anyway the author persists in his opinion on these historical problems. The main task of his book was to study the adventures of a "democratic path" in Russian politico-genesis. The author notes that the critics agree with his main idea and with his division into periods of Russian historiography. They criticized the author's manner of conducting polemics. In this article the author attempts to explain his approach. Refs 16.

Keywords: Kievan Rus', Mirrors, Chimeras, politogenesis, P. I. Gaydenko, V. V. Puzanov, "democratic" theory, historiography.

For citation: Dvornichenko A. Yu. On the question of mirrors and chimeras. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 627–637. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.313

Взялся за перо, а в голову лезут строчки одного из любимых поэтов: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...» (Ф. И. Тютчев) или «Поймёт ли он, чем ты живёшь? / Мысль изреченная есть ложь...». Ну и многие другие златые места нашего неприкосновенного запаса.

А вообще — многогранно и сложно бытие... И здесь мне даже как-то неудобно от слишком, наверно, высокой оценки моего скромного творчества. Природная и даже несколько болезненная скромность вопиет при всех этих «замечательный», «маститый», «воин света» и пр. Хотелось бы вслед за предтечами назваться «черно-рабочим в науке», но и на это претендовать не осмеливаюсь. Впрочем, кем бы я ни был, для меня большая честь, что такие славные историки, известные ученые, доктора наук из Казани и Ижевска — Павел Иванович Гайденко и Виктор Владимирович Пузанов — заинтересовались моим трудом.

А уж «не дано» так не дано! Думал, будут ругать именно за то, что не доработал. Вот и сейчас продолжаю находить драгоценные историографические артефакты, которые проворонил. Отдельно же даже занимался германской историографией древнерусского политогенеза [Dvornichenko 2014a], а целый цикл работ немецкого историка Карла Фицлера не включил. Между тем на него писал рецензии А. В. Флоровский, причем черновики есть в фонде Флоровского в АРАН, в том числе черновик рецензии «Франко-тюркская теория происхождения Руси» [Флоровский 1923]. У меня оправдание-бормотание, конечно, было запасено: попробуй всё учесть, особенно в зарубежной историографии. У нас-то в библиотеках этих работ нет. Помню, в конце 1980-х, когда писал докторскую о ВКЛ, в нашей ленинградской «Публичке» делал каждый раз по 10 заказов на иностранную литературу — в лучшем случае выполняли один или два. Ох, уж, эта вековая изоляция России! Вообще, тут нужно несколько монографий, может быть, по отдельным периодам. Потому

уже несколько лет с удовольствием слежу за творчеством Е. Н. Дербина — земляка В. В., тоже изучающего историографию [Дербин 2007]. Сейчас он пишет книгу по зарубежной историографии «древнерусского государства» — и то, думаю, всё, наверно, не сможет учесть. Полагаю, что в этой области нужны усилия целого научно-го коллектива — для написания труда, может быть, многотомного, посвященного анализу проблемной историографии по русской истории. Лишь такой анализ не только предоставил бы возможность выявить облик историографии истории России, но и многое прояснил в самой истории нашей страны.

Но ругают-то за другое. Что ж, придется перестраиваться на ходу. Начну с периферии: языка, образов, названия. Название, кстати, первоначально было иным: «Зеркала и химеры. Историография древнерусского политогенеза». Почтенный издатель объяснил мне, что будет советоваться с маркетологами (вот он, прогресс-то, даже и у нас!). Счастливые обладатели этого диковатого для обычного человека прозвища сначала стали вертеть пальцем у лба, но потом успокоились и даже заинтересовались, однако безапелляционно заявили: «Зеркала и химеры — оставить, а историографию с политогенезом убрать, чтоб читателей не распугивали!». Я обрадовался, что главная часть моей придумки уцелела и, честно говоря, даже потом не интересовался, что там рядом с химерами появилось. Я не жалею, просто намекаю на ситуацию в науке современной России. Книгу можно опубликовать в двух случаях: если грант получишь или если издателя заинтересуешь. А вполне возможно, что издателю придется тот же грант самому добывать. Есть еще один сермяжный способ — издавать на свои средства. Но, как в давние аспирантские годы говаривал один мой знакомый эстонец-аспирант, «этта нам доорого, этта нам не по карману».

Образы мои в целом, как я почувствовал, моим рецензентам понравились. Хотя П. И. (Павел Иванович), — судя по всему, образность мою не совсем понял. Он считает, что химеры — неоправданные научно-исторические идеи, а сама историография уподобилась зеркалам [Гайденко 2017, с. 413]. Нет, почтенный Павел Иванович! Зеркала — это не вся историография, а именно «оправданные научно-исторические идеи», химеры же действительно «неоправданные»... Не совсем разобравшись — с моим комплексом имени Иеронима Босха и Франсиско Гойи — и Виктор Владимирович. Так, химера Формалика — это не «историко-юридические подходы» как таковые, против которых я ничего не имею [Пузанов 2017, с. 420]. Но поскольку непонимание В. В. завязано на более общие проблемы, о нем (об этом непонимании) скажу ниже. Обоим рецензентам не нравится мой язык, сиречь стиль моего писания. П. И. видит сравнения и язвительные шутки, из-за которых спор с оппонентами выходит за рамки научной критики [Гайденко 2017, с. 414]. В. В. (к моей радости) полагает, что перо мое, обычно легкое и ироничное, в книге (к моему нынешнему горю) какое-то интеллектуально-похмельное [Пузанов 2017, с. 419].

Что тут скажешь? Стиль — дело деликатное. Помню, читал в юности рецензию самого М. Ф. Владимирского-Буданова на работу молодого историка. Работа ему не очень понравилась, а уж язык — просто безобразен, не язык, а сленг какой-то, смесь французского с нижегородским [Владимирский-Буданов 1880, с. 104–124]. Всё бы ничего, но я с изумлением осознал, что рецензия-то на В. О. Ключевского!¹

¹ Знаменитой М. В. Нечкиной, правда, сильно постфактум, пришлось даже заступаться за В. О. Ключевского [Нечкина 1974, с. 205].

Это — не к тому, что я — Ключевский, а к тому, что было и остается деликатным. Да к тому же и эпоха нынче довольно серая: серые политики, серые чиновники, серые актеры и пр. Только за счет языка и можно разгуляться! Наконец, я ведь беззлбно: «Смеяться, право, не грешно над всем, что кажется смешно» и т. д. И как можно без юмора оценить пассажи многих историков прошлого и настоящего? Впрочем, это сторона историографическая, и к ней я еще вернусь.

В. В. в своей рецензии в какой-то момент обращается уже не к историографии, а непосредственно к истории, пытаюсь опровергнуть мои мысли касательно древнерусского политогенеза. Тут сокрыта серьезная опасность. Помню, в студенческие годы прочитал много книг тогдашних советских «советологов», посвященных индустриализации, коллективизации и прочим изыскам советской истории. Меня поразила сама творческая манера исследователей: на протяжении книги анализируется историография, а затем, «ничтоже сумняшеся», автор переходит к историческим наблюдениям и делает их... на основе историографии! Из деликатности не буду называть фамилии этих авторов, но не могу не отметить, что тут явное смешение понятий. С одной стороны, историк не должен изобретать велосипед, и если что-то уже сказано до него, можно на это сослаться. Но, с другой стороны, делать исторические выводы на основании только историографии совершенно неправомерно.

Если В. В. хотел спорить со мной на исторические темы, то должен был привлечь и другие мои работы. Неудобно про себя говорить, но жанр ответа на рецензию к этому располагает. Всю свою жизнь я хотел (хотя бы для себя) познать российскую историю, ее яркие и самобытные особенности. Вот почему от Киевской Руси, история которой достаточно амбивалентна, я двинулся в ее непосредственное продолжение — историю Великого княжества Литовского, а затем и дальше. В 90-е и ранние нулевые я писал статьи, учебники, много размышлял над российской историей. В результате возникла книга, которую я, как оказалось, неудачно назвал «учебным пособием» [Дворниченко 2010]. В ней я изложил свое виденье отечественной истории, свою, если хотите, концепцию. На волне перестройки и гласности общих концепций наплодилось немало, многие из них, видимо, не выдержат испытания временем и дальнейшими судьбами России. Но, как бы то ни было, рассуждать и спорить об истории России в целом и о Киевской Руси как о начальном периоде истории всех восточных славян я могу только через призму этой концепции. Иметь общую концепцию для познания истории той или иной страны, на мой взгляд, гораздо важнее, чем учесть или не учесть ту или иную новомодную теорию, например о роли «элит» в политогенезе [Пузанов 2017, с. 430]. Эти «элиты» и так уже надоели! Кстати, есть и научно-популярное изложение моей концепции [Дворниченко 2015].

В. В. о моей концепции и знать не хочет. Между тем она могла бы снять ряд локальных вопросов, в частности о том, когда же государственность посетила наконец наши пенаты. Это самое государство — далеко не всегдашний гость на празднике жизни тех или иных народов и стран. Поскольку история и историография все же неразделимы, отмечу, что дело отнюдь не только в том самом израильском историке М. Беренте, который все-таки занимался не русскими городами-государствами, а древнегреческими полисами. Среди тех, кто не находил этой самой «древнерусской государственности», отнюдь не только «далекие идейные предшественники победивших в 1917 г. революционеров», но, например, и представители блестящей

«государственной школы» и С. М. Соловьев. Собственно этому и посвящена книга. Но В. В. почему-то заметил только тех, кого хотел заметить.

Да и куда подевалось то древнее «государство», если дальше (XIII–XV вв.) история продолжилась архаическими военно-служилыми государствами, одно из которых — Великое княжество Литовское и Жомойтское, а у другого даже устоявшегося названия в то время не было: не то Великое княжество Московское, не то Русское, не то еще какое. Знай В. В. мою концепцию, он не стал бы «цепляться» и к понятию «тоталитарное государство» применительно к России, ибо в своих трудах я достаточно подробно разъясняю, чем в моем представлении являлась Россия, каковы этапы ее истории. Ну уж и совсем странно то, что В. В. на одной (sic!) странице постарался разобраться с тем, что такое государство вообще. При этом он выхватил из моих утверждений одно (sic!) слово и устроил вокруг него некое подобие танца. Слово это — «насилие», и я от него не отказываюсь, но при чем тут индивидуальная или даже еще какая семья, или воры в законе — я не понимаю.

В меньшей степени я не понимаю, почему вдруг моя концепция «политогенеза» стала «недемократической». У всех моих героев она, значит, демократическая, а у меня недемократическая? И только потому, что я будто бы принимаю вывод Б. Д. Грекова о том, что вече в X — первой половине XI в. не функционирует. Так этот вывод Греков у Владимирского-Буданова заимствовал... И никакого противоречия в моей концепции тут нет! Не прищучил меня рецензент и мудренными словами: дескать, не может иерархическое вождество перейти в гетерархический город-государство, а однолинейная модель развития (до вождества включительно) — в многолинейную модель. Тут рецензент безуспешно пытается привить ту самую сухую теорию (о которой еще В. Гёте говаривал) к зеленому дереву жизни русской истории. Да и тургеневского Аркадия, любившего говорить красиво, можно вспомнить. Что касается моего «перескока» от «союза союзов» в древнейший период к теории вождества в связи с переходом от Советского Союза к усилению авторитаризма в России и формированию культа вождя, здесь рецензент, конечно, хорошо, как говорится, схохмил, но опять-таки исторические концы с концами не вяжутся. В Советском-то Союзе с «вождями» было даже лучше, чем сейчас. А уж бессмертные строки Владимира Семеновича Высоцкого — нашего нового «все-го» — и вовсе повисают в воздухе, будто в них нет истины. Ведь именно о советской эпохе другое «наше всё» (мое уж точно) — Александр Аркадьевич — писал: «Мы поехали за город. / А за городом дожди, / А за городом заборы, / За заборами — вожди...» [Галич 1998, с. 13].

Дело, вообще-то, в другом: у человека могут меняться взгляды на научные проблемы. Впрочем, к процессу смены взглядов я еще вернусь. Так же, как придется еще не раз возвращаться к историческим спорам. Но только в рамках монографических, потому что на одной странице все равно ничего не докажешь. Я знаю, что В. В. издал новую объемистую книгу, где наверняка свои идеи развивает. Бог даст, и я свои еще поразвиваю.

Добавлю здесь, что не понял попытку рецензента идти еще и «другим путем», как говаривал В. И. Ленин, кстати, единственный политический деятель в истории России, которого я люблю. Дескать, теория вождества была уже очень давно, когда мы все писали о пресловутом «союзе союзов» племен. Тут, кстати, рецензент так распалился, что забыл поведать читателю, при чем тут «свет в окошке». Но это не

так важно. Значимо другое. Ну и что — что давно? Я тогда до нее, видимо, не дозрел. И химера Идеовульгарика тут ни при чем. Уважаемый рецензент уж никак меня с ней не свяжет, ведь он сам пишет, что мне никогда не надо было отказываться от своих убеждений, стремясь идти в «ногу со временем». Ну и насчет «первого ряда в науке» — это, наверное, перебор, хотя почему бы и нет? Конечно, было бы бахвальством говорить, что не случилось как-то подстраиваться. Помню, как ходили с И. Я. Фрояновым по «гранитобоким» берегам Невы и всё думали, чем же считать Киевскую Русь: высшим этапом первобытно-общинного строя или переходным этапом от этого самого строя к феодализму. Человек полностью из своего времени вырваться не может...

Ладно. Самое время вернуться к тому, чему, собственно, и посвящена книга, на которую были написаны рецензии, — к историографии. Напомню, какую цель я перед собой ставил — проследить историю одной из идей. Научные идеи и книги отправляются в удивительные путешествия гораздо чаще самих их создателей и переживают всяческие приключения. Вспомним, например, книжку о приключениях... книг [Винтерих Дж. 1979]. Путешествию во времени замечательной идеи о демократическом периоде в русской истории — о демократическом устройстве Древней Руси, идеи, которая путешествовала через моря и страны, и посвящена книга. Эту мою задачу рецензенты вроде бы поняли. Так, В. В. приводит слова из аннотации книги о том, что мне «удалось выявить и показать читателю основную парадигму развития историографии в области изучения древнерусского политогенеза» и что это было «движение от монархической идеи к демократической». Он, правда, несколько принижает мои заслуги в этой области некоей туманной фразой: «выявленные тенденции развития “демократической концепции” в той или в иной степени отмечались исследователями начиная с Ф. И. Леонтовича и заканчивая рядом современных авторов». Хорошо бы пояснить подробнее, кем и где «отмечались». Ну да ладно, дело ведь не в заслугах, а в истине.

Рецензенты, насколько я понял, ничего не имеют против и моей периодизации российской историографии. Высшим этапом развития отечественной исторической науки я провозгласил вторую половину XIX — начало XX в. Рецензент пишет: «Действительно, это был один из наиболее продуктивных периодов в отечественной исторической науке, но не только потому, что в трудах историков доминировала “демократическая” концепция политогенеза». Конечно, «не только», но я-то пишу о том, о чем пишу! Приятно было читать и о том, что анализ этих концепций у меня пронизан глубоким уважением к предшественникам, дан на широком историографическом фоне. Так оно и есть: я их уважаю, глубоко (насколько могу) анализирую и стараюсь дать на широком историографическом фоне. И тут хотелось бы еще раз поставить вопрос ребром: не странно ли, что в самый блестящий период российской историографии господствовала именно «демократическая теория» политогенеза? Можно, конечно, считать это проявлением «кризиса исторических идей» (т. е. исторических идей, забредших в этот кризис), поскольку они тупо пребывали «вне учения о феодализме» [Свердлов 1996, с. 134]. Но это — если «пресловутое учение» приравнять, например, к чаше Грааля.

Что же вызывает отторжение у рецензентов? То, что они называют моими методами критики оппонентов «демократической концепции». Так, П. И. замечает у меня «нескрываемую предвзятость». А я свою предвзятость и не скрываю. «Соз-

дается впечатление, что избранный петербургским профессором метод вырывать из исследовательской концепции некий фрагмент и абсолютизировать его — не вполне корректен, поскольку не позволяет читателю увидеть общих замыслов того или иного научного труда», — пишет далее П. И. Вот с этим я вряд ли соглашусь, наоборот, как выше отмечено, я старался постоянно учитывать и давать «широкий историографический фон» и контекст.

Особенно активно мои методы критики критикует (да простится такая тавтология) В. В. Он даже считает, что я не столько анализирую отечественную историографию политогенеза, сколько «бьюсь» с несогласными с моими взглядами концепциями. Я, к сожалению, не могу оценить сравнение моего труда с «тонким троллингом» К. Еськова на Дж. Толкина — каюсь, не читал — всё не осилить. Но вот сравнение моего метода с методом М. Б. Свердлова меня несколько удивляет, особенно из уст В. В. Дескать, я пошел тем же путем, сменив лакмусовую бумажку «феодализма» на критерий «демократического политогенеза».

Когда читаешь моих любезных рецензентов, то хочется, подобно джняни-йогу, воскликнуть: «Нети-нет!»; «Не то!» А лучше сказать словами совсем другого типажа — Козьмы Прутков: «Зри в корень!» Скорее всего, у нас разные представления о том, что такое историография, да и различный подход к российским историческим эпохам и месту в них историка/историографа. В. В. пишет, что я примерил мантию историографа. Я про такую мантию ничего не знаю. Видимо, В. В. на своих ижевских просторах в мантии выхаживает, а я предпочитаю спецовку чернорабочего. И почему историограф должен оставаться равнодушным, превращая свое исследование, по словам П. И., в «простое и формальное перечисление того, кто, что и когда написал по тому или иному вопросу»? Почему историограф не может выразить в той или иной форме свое отношение к тому, что пишет, — вот этого я не понимаю и никогда не пойму.

Тем более совестно В. В. сравнивать меня с М. Б. Свердловым. Сам же В. В. хорошо показал, как менялись исторические взгляды и подходы Михаила Борисовича [Пузанов 1996]. Знаете, это как военные преступления, которые срока давности не имеют. А как менялись? Сначала «гнобил» (простите за резкое, но подходящее слово) Фроянова, да еще и в группе, что называется, при «преступном сговоре», ведь тот отступал от марксизма-ленинизма, а потом, когда ситуация изменилась, стал «гнобить» за «сталинизм». Взгляды ученого могут меняться, но когда они меняются по мановению власти или, как говорили в доброе старое время, колеблются с линией партии — это уже ненормально, это противоречит духу науки. Поэтому зря П. И. меня попрекает Михаилом Борисовичем. Н. Л. Рубинштейн в эпоху «культы личности» умудрился дать более или менее адекватную картину русской историографии, М. Б. Свердлов уже в светлую эпоху «культы наличности» (Д. Н. Альшиц), сиречь в наше время, сумел полностью запутать читателя своими рассуждениями о пресловутом феодализме. Тем не менее работы его о Татищеве и Ломоносове я заметил, рекомендую их студентам, хотя они мне, как говорят в народе, без надобности: ничего нового для моей темы они не дают.

Мое восприятие историографии непосредственно связано с моим восприятием российской истории и российской жизни. Внимательный читатель, полагаю, это заметил. Почему я должен подшучивать над историками, которые жили при «старом» (то бишь царском) режиме? Один из моих первых учителей в историографии,

Александр Львович Шапиро, очень убедительно рассуждал на эту тему, утверждая, что с историками «осмнадцатого» века вряд ли уже можно полемизировать, а вот с М. Н. Покровским — можно. Дело тут не в «историке с пикой», а в самом принципе. Даже со ссылкой на то, что это было сказано лет сорок назад, с таким утверждением можно согласиться. К тому же можно смеяться над теми, кто рыдает по поводу «России, которую мы потеряли», но что-то в этом утверждении есть. До «революции» у историков тоже хватало проблем, но это был все-таки замечательный период в истории науки. Вся наука сосредоточивалась в университетах, которые являли собой корпорации, объединявшие единомышленников. Кстати, только что блестящий портрет подобной корпорации ученых Петербургского университета (не только историков — всех) нарисовал мой младший товарищ и коллега по кафедре Евгений Ростовцев [Ростовцев 2017]. Российская Академия наук хотя по своей сути и отличалась от западноевропейских, научной погоды не портила, а даже неплохо дополняла университетскую науку. В основе исторических воззрений был плюрализм: хочешь, позитивистом будь, а хочешь — неокантианцем или кем еще. Что над такой наукой подшучивать? Хотя ежели химера какая-нибудь типа Монархики на историка напала, то и ему спуска я не давал...

Советский период — это совсем другой коверкот. В. В., видимо, провоцируя меня на какое-то святотатство, пишет: «Интересно, если данную монографию прочитает неподготовленный читатель, какая информация из всех этих “зеркал” и “химер” останется в его голове? Будет ли он представлять видных отечественных историков серьезными учеными, благодаря совокупным усилиям которых создан тот запас знаний о древнем периоде отечественной истории, которым мы пользуемся, или “фантазерами-сказочниками”, плодящими зловерные для науки химеры? Действительно, если даже “выдающиеся советские историки в области политогенеза” были такими, что уж говорить о других участниках исторического цеха?» [Пузанов 2017, с. 425]. А я-то ведь и не скрываю, что не особо уважаю советских историков. Вот уже несколько лет занимаюсь творчеством Георгия Вернадского. Его жизнь шла параллельно с жизнью Б. Грекова: вместе они были в школе С. Ф. Платонова, затем служили в Пермском университете, вместе стояли у истоков Крымского университета в Симферополе. В 1920 г., когда Крым захватили большевики, Георгий уплыл в свою экспатриацию, чтобы со временем стать выдающимся русско-американским историком, создателем бессмертной «Истории России». Борис же вернулся сначала в Петроград, а затем стал ведущим советским историком, лауреатом всех возможных премий, академиком и т. д. ... и автором полностью устаревших ныне трудов. А вот другой талант — В. Т. Пашуто, выпускник нашего исторического факультета. Талант, что называется, от Бога. И что же? Его «История Литовского государства» (1959 г.) устарела гораздо больше, чем труды наших историков Серебряного века. Этот список можно множить, исключения редки. Конечно, советских историков, того же Грекова, можно пожалеть: они жертвы государственного строя. Рассказывают, что Греков обращался к коллеге-историку наедине: «Вы же партийный, посоветуйте. Вы должны знать, какая концепция понравится Е м у» [Кобрин 1992, с. 154]. Пожалеть-то можно, но жалость — это для жизни, а не для историографии. Как можно всерьез относиться к такой историографии! Только подшучивать. Конечно, советскую историографию не сбросишь с корабля истории, и добилась она немало: одни берестяные грамоты чего стоят! Но не забудем и о том, что она ба-

зировалась на чистой воды схоластике, а это плохое теоретическое подспорье для науки. Да и организационное оформление нашей любимой исторической науки зашло в тупик: отношения между университетской и академической наукой конструктивного начала в себе не содержали.

Нынешние проблемы плавно вытекают из прежних, а на них наслаиваются новые. Страна, которую все больше сравнивают с «дореволюционной» Россией, унаследовала, однако, проблемы и Советского Союза. У нас есть свобода слова и плюрализм, которые, к сожалению, часто проявляются в одной и той же голове ученого. Тяжкую долю университетского преподавателя уже живописал мой критик П. И., и я повторяться не хочу. Только он почему-то волей-неволей возвеличивает нашу Академию наук: «...Может быть, лучше согласиться с той осторожностью, какую проявляют академические исследователи в отношении публикаций, создающихся в университетской среде?». Они — судьи?! На самом деле наша Академия — сгусток проблем почище, чем в университетах. Да и уровень науки там под большим вопросом. Это я не потому говорю, что академики уже два раза не пустили меня на свой Олимп, а в очередной раз набрали своих детишек и блатнишек (хорошо срифмовал!).

Ситуация (не только в связи с Академией) вообще очень сложная. Я не материальную сторону имею в виду: похоже, российская наука вообще может жить без оной. На науке сказывается упадок культуры в нашей стране. Вот это уже реалии нашего времени: в СССР такого не наблюдалось, соответственно наука и культура подпитывали друг друга. Теперь культуры как будто и нет, особенно это отражается на развитии гуманитарных наук. Нашу историческую науку мало кто замечает в мире. Я послал эти самые «Зеркала и химеры» знакомому историку в США, и больше всего его удивило то, что, оказывается, в России после 1991 г. занимаются историей Киевской Руси. И ничего странного в таком недоумении нет, ведь у нас по истории мало серьезных журналов, а в тех, что есть, возобладали мелкотемье, важные проблемы практически не рассматриваются. Я вот написал статью о месте Киевской Руси в истории, послал в один уважаемый московский журнал, специализирующийся в области древнерусской истории. Я был уверен (да и сейчас остаюсь при том же мнении), что тема эта актуальна как никогда. Получил ответ, что тема для журнала слишком «глобальна». Посмотрел выпуски журнала, а там всякие мелкие вопросы обсасываются до остервенения. Ну, конечно, без этих «карамельек» историческая наука тоже деградирует, но от избытка сладкого организм у нее точно испортится.

Атмосфера в науке, мягко говоря, оставляет желать лучшего. В. В. в конце своей рецензии по русскому обычаю покаялся, ударил шапкой оземь, а на себя нахлобучил «субъективное мнение, следовать которому представители других школ и направлений не обязаны». Мил человек, конечно, не обязаны, но учитывать-то должны. Ведь мы в одном научном пространстве пребываем, по одному научному полю бродим, о котором и Вы пишете. Хотел тут снова о московском снобизме написать, но вспомнил, что в книжке это есть. А В. В. и без меня знает, какова здесь ситуация. При советской власти по крайней мере критиковали, пусть временами и подло. А нынче просто замалчивают.

Из научной жизни совершенно исчезли дискуссии. Особенно по общим вопросам. Последняя дискуссия по Древней Руси была еще в СССР в 80-е годы. И как

тут ни вспомнить того же Ленина, который резонно говорил о том, как на эти вопросы натыкаешься, если ими не интересуешься. Написание своего основного (на нынешний день) труда я с превеликими страданиями и стараниями совмещал с деканством на историческом факультете СПбГУ. Когда труд вышел, с чувством глубокого ожидания и уже удовлетворения я думал: «Ну, сейчас мне навалют!».. Где там! Никто и не заметил. Я тогда «с тоской в желудке», по словам А. Галича, подошел к приятелю и говорю: «Написал бы, что ли, рецензию на меня». А он отвечает: «Ты мне заказываешь?». — «В каком это смысле?» — не понял я. «А теперь рецензии только под заказ»... Вот такие дела. Начитался я таких рецензий «под заказ»: «Ку-кушка хвалит петуха и т. д.». Каждый нынче себе свою науку создает и проталкивает ее на свой страх и риск, находя там или здесь поддержку. Конечно, плюрализм — это хорошо, но общие вопросы все равно надо решать, а то и дальше так будет: ни тебе школьного учебника для всех, ни тебе национальной идеи.

Так что, милые критики-рецензенты, за сим и заканчиваю: пока могу, буду писать. Обещаю не материться (не будем брать пример с нашего нынешнего театрального мира), но, чтобы оживить родную историческую науку, буду шутить и ерничать. А за высокие оценки моего скромного труда большое спасибо.

Источники и литература

- Владимирский-Буданов М. Ф. Новые исследования о Боярской думе // Сб. государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. Т. VIII. СПб.: Типогр. Безобразова и К^о, 1880. С. 104–124.
- Винтерих Дж. Приключения знаменитых книг. М.: Книга, 1979. 255 с.
- Гайденко П. И. Охота на химер в зеркалах историографии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2017. Вып. 2. С. 411–417.
- Галич А. Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьесы. Статьи. Екатеринбург: У-Фактория, 1998. 656 с.
- Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.
- Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014b. 560 с.
- Дворниченко А. Ю. Россия. Загадка истории. М.: Весь Мир, 2015. 240 с.
- Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Изд. дом Удмуртский университет, 2007. 268 с.
- Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 224 с.
- Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.
- Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и Новая Россия: Сб. науч. статей. К 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 148–167.
- Пузанов В. В. Химеры в кривом зеркале историографии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2017. Вып. 2. С. 418–432.
- Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
- Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 330 с.
- Флоровский А. В. Франко-тюркская теория происхождения Руси // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп. 1. Научные труды, биографические документы, документы по деятельности, труды других лиц, фотографии Антония Васильевича Флоровского. Д. 2. 67 л. [Статья была опубликована в Prage (Slavia. 1925. Т. 3, ч. 4)].
- Dvornichenko A. Old Russian politogenesis in German historiography // Былые годы. 2014a. № 34 (4). С. 487–497.

References

- Vladimirsky-Budanov M. F. *Novye issledovaniia o Boiarskoi dume. Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. Ed. by V. P. Bezobrazov. T. VIII. St. Petersburg, Tipografiia Bezobrazova i C^o, 1880, pp. 104–124. (In Russian).
- Vinterih G. *Priklucheniia znamenitykh knig*. Moscow, Kniga Publ., 1979, 255 p. (In Russian)
- Gaidenko P. I. Okhota na khimer v zerkalakh istoriografii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017, issue 2, pp. 411–417. (In Russian)
- Galich A. *Pesni. Stikhi. Poemy. Kinopovest'. Pësy. Stat'i*. Ekaterinburg, U-Faktoria Publ., 1998, 656 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samoderzhavii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva*. St. Petersburg: Moscow, Evrasia Publ; Klio Publ., 2014b, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Rossiiia. Zagadka istorii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Old Russian politogenesis in German historiography. *Bylye Gody*. 2014a, no. 34 (4), pp. 487–497. (In Russian)
- Derbin E. N. *Institut kniazheskoi vlasti na Rusi IX — nachala XIII veka v dorevoliutsionnoi otechestvennoi istoriografii*. Izhevsk, Izdatel'skii Dom "Udmurtskii Universitet", 2007, 268 p. (In Russian)
- Kobrin V. B. *Komu ty opasen, istorik?* Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1992, 224 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. *Vasilii Osipovich Kliuchevskii. Istoriia zhizni i tvorchestva*. Moscow, Nauka Publ, 1974, 640 p. (In Russian)
- Puzanov V. V. O spornykh voprosakh izucheniia genezisa vostochnoslavianskoi gosudarstvennosti v noveishei otechestvennoi istoriografii. *Srednevekovaia i Novaia Rossiia. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu professora I. Ya. Froianova*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 148–167. (In Russian)
- Puzanov V. V. Himery v krivom zerkale istoriografii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017, issue 2, pp. 418–432. (In Russian)
- Rostovtzev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, 903 p. (In Russian)
- Sverdlov M. B. *Obshchestvennyi stroi Drevnei Rusi v russkoi istoricheskoi nauke XVIII–XX vekov*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996, 330 p. (In Russian)
- Florovsky A. V. *Franko-tiurskaia teoriia proiskhozhdeniia Rusi [The Franco-Turkic theory of the origin of Russia]*. *Arhiv Rossijskoj Akademii Nauk (ARAN)*, f. 1609, op. 1. Nauchnye trudy, biograficheskie dokumenty, dokumenty po deiatel'nosti, trudy drugih lits, fotografii Antoniiia Vasil'evicha Florovskogo, d. 2, 67 l. [The article was published in Prague (Slavia, 1925, volume 3, part 4)]. (In Russian)

Recieved: 03.05.2017

Accepted: 10.08.2017